

*Александр Луньков,
старший научный сотрудник
Института философии и права УрО РАН,
кандидат исторических наук*

«Золотая клетка»

О цифровизации различных сфер общественной жизни и деятельности государства говорят не первый год. Однако именно в последние несколько лет произошел качественный скачок в осуществлении цифровизации в глобальном масштабе. Рассмотрим некоторые аспекты этого явления.

цифровизации

Big data как стратегический ресурс

Согласно докладу аналитиков компании IDC «The Data Age 2025», через четыре года человечество накопит примерно до 175 зеттабайт данных. Один зеттабайт – это порядка 1 миллиона миллионов гигабайт. Для сравнения: в 2020 году человечество создало примерно 40 зеттабайтов. Колоссальные объемы информации! При этом величина этих объемов будет расти с каждым годом все быстрее. Вот так, незаметно для обычного человека, глобальное общество перешло цифровой Рубикон.

Отныне информация, а точнее, big data, является стратегически важным ресурсом и серьезным конкурентным преимуществом, отказ от которого или его недостатка неминуемо ведут к отставанию страны в цифровой гонке. А какой же приз ждет на финише этой гонки?

Сами по себе большие данные мало что дают отдельному человеку. Зачем, например, нам с вами информация о том, какие видео на популярном видеохостинге сегодня посмотрели пользователи, подписанные на новости о рыбалке в одной из социальных сетей? Но именно из переплетений подобных активностей и состоит сегодня наша цифровая жизнь. И по узору этих переплетений правильно обученный **искусственный интеллект** может с большой долей вероятности предсказать все вкусы и предпочтения человека, реакции на те или иные события и новости и в итоге – покупку тех или иных товаров и услуг. Вы никогда не ловили себя на мысли, что вам действительно хочется посмотреть рекомендуемые каким-либо видеохостингом ролики? Что они на самом деле отражают ваши интересы и вкусы? Если да, то искусственный интел-

лект безошибочно предсказал ваш внутренний мир.

В первом приближении прогностическая функция искусственного интеллекта тем эффективнее, чем на большем массиве данных он обучен. Вот тут и начинается сказываться стратегическая значимость больших данных. Страна или компания, обладающие возможностью обучать свои **«нейронные сети»** на большом массиве информации, автоматически получают конкурентное преимущество перед теми, кто этой возможностью не обладает. Приведем простой пример – банковский скоринг. Или русским языком – процедура оценки банком потенциального заемщика. Для большинства граждан главным по-

казателем кредитоспособности и благонадежности заемщика является его кредитная история, то есть информация о том, как человек погашал предыдущие кредиты.

А если у искусственного интеллекта есть возможность вместо одного-двух параметров (были ли просрочены платежи, как часто человек берет кредит и т.д.) анализировать 50-60 параметров, связанных с цифровой жизнью конкретного человека (активность в социальных сетях, демонстрируемые вкусы и предпочтения, поисковые запросы...)? Когда есть возможность по нескольким параметрам сравнить этого человека с тысячами других, чьи цифровые портреты есть в нашем массиве

big data? Именно здесь возникает феномен «bias» искусственного интеллекта, что на русский язык часто не совсем корректно переводится как «предвзятость». Но в нашем случае это как раз предвзятость искусственного интеллекта по отношению к человеку. Здесь можно возразить, что и сами люди практически всегда предвзяты друг к другу. Принципиальное отличие заключается в том, что человек несет полную ответственность за свои решения – как перед законом, так и перед своей совестью. А какую ответственность несет нейросеть? Ситуации применения искусственного интеллекта уже порождают и будут неизбежно порождать **этические коллизии**, когда конечная ответственность перекладывается на систему, которая не может ее нести в принципе. Есть мнение, что ответственность должен нести тот, «кто последним нажал кнопку», то есть запустил конкретное приложение искусственного интеллекта для определенных целей. Однако целый ряд алгоритмов обучения нейросетей вызывает эффект «черного ящика», когда даже сам разработчик не может сказать, почему система приняла то или иное решение. Кто будет нести ответственность в таком случае?

Цифровизация и бессмертие

Проблема жизни и смерти является одной из главных проблем человечества. Цифровизация активно вторгается и в эту сугубо экзистенциальную область и формирует у человека новое отношение к этим феноменам. Новое отношение влечет за собой коренное изменение социальных практик, связанных с этими феноменами.

В 1980-х годах в Японии было впервые описано явление «кодokusи». Это слово чаще всего переводится как «одиокая смерть». Сегодня не только в Японии распространено это явление, но практи-

Технологии дополненной реальности

чески только в этой стране целенаправленно собирается статистика по случаям «одиноких смертей».

Быстрое старение населения развитых стран, разрыв повседневных социальных связей в мегаполисах, разложение традиционной семьи, состоящей из нескольких поколений, – все это называют в качестве основных причин увеличения числа «одиноких смертей». При этом речь здесь идет о случаях, когда умершего обнаруживают спустя недели, месяцы и даже годы после его смерти. Казалось бы, причём здесь цифровизация? Именно технология цифровых расчетов способствует увеличению срока «необнаружения» умершего. В развитых странах плата за жилье очень часто автоматически списывается с электронного счета пожилого человека, туда же автоматически зачисляется его пенсия. Если не произойдет чего-то, что разорвет этот замкнутый круг списаний и зачислений, то умершего могут не находить годами. По сути, благодаря электронным финансовым технологиям, у человека появляется **цифровой двойник**, который может успешно выполнять все необходимые для системы действия – получать и тратить деньги. В контексте реализованного (например, в Японии) постиндустриального информационного общества цифровой двойник более

значим, чем сам человек. Без своего информационного «отражения» человеку жить намного сложнее, чем этому «отражению» без человека.

Бурное развитие технологий искусственного интеллекта, которое мы наблюдаем последние годы, порождает целый ряд дополнительных вопросов, связанных с проблемой «кодокуси».

Цифровой двойник человека становится интеллектуальным, способным вместо человека контактировать с социальным окружением, совершать финансовые операции, принимать повседневные решения. Человек в этой системе цифровых коммуникаций и транзакций становится лишним, и его смерть долгое время будет оставаться незамеченной.

Новым шагом в цифровизации смерти и посмертного существования человека стало использование **технологии дополненной реальности**. Так, например, в 2016 году, в период популярности игры на основе технологии дополненной реальности «Pokemon Go», японская компания-производитель надгробий

выпустила приложение для смартфона, позволяющее «ловить» на кладбищах заранее записанные видео- и аудиообращения от умерших людей. На данный момент подобные технологии, уже более продвинутые, разрабатываются не только в Японии, но и в Европе, Южной Корее, США и т.д. По замыслам некоторых из разработчиков, в идеале можно будет создать цифрового двойника умершего человека, общаться с ним в виртуальной среде, и его реакции и ответы будут полностью соответствовать личности реального прототипа. Отвечающий за это искусственный интеллект обучается на основе данных из социальных сетей умершего, фото- и видеоматериалов, записей голоса. Соответственно, чем больше был активен человек в цифровой среде до смерти, тем более правдоподобными будут реакции его посмертного двойника.

Подобная технология, очевидно, ставит под сомнение само понимание жизни и смерти, их экзистенциальное содержание. Человек после смерти остается «вроде как» живым для близких людей (вполне можно себе внушить, что умерший просто далеко уехал и присылает сообщения, с ним можно поговорить по видеосвязи и т.д.), живым для цифрового измерения современного общества.

Здесь также возникает интересный вопрос – насколько будет какой-нибудь человек «живым» для общества, если в цифровом пространстве он «умрет»? Что если у такого человека будет своя виртуальная могила, его цифровой двойник будет общаться с родственниками, он перестанет получать и тратить деньги? Уже сейчас большой юридической проблемой является признание человека живым, если до этого по каким-либо причинам он был признан мертвым. Есть мнение, что из глобальной сети не может исчезнуть до конца однажды попавшая туда информация. Поэтому и след «виртуальной смерти» невозможно будет окончательно стереть.

Все повторится или есть возможность выйти из тупика?

О негативных сторонах цифровизации, об ее опасностях можно говорить достаточно долго. Алармисты искусственного интеллекта являются одной из активных субкультур современного интернета и сформировали уже целый специфический дискурс. Если попытаться отстраненно посмотреть на проблему, то окажется, что цифровые технологии по своей сути мало чем отличаются от технологий как таковых. Каждый раз, когда происходили технологические революции, общество испытывало кризис, в ходе которого большое количество людей подвергалось страданиям и даже погибало. В случае цифровизации все повторится. Вопрос только в том, даст ли массовое внедрение цифровых технологий новый толчок развитию общества или мы навсегда запрем сами себя в «золотой клетке»? ■

Следует отметить, что в практической психологии и психотерапии серьезной проблемой до сих пор остается проблема принятия человеком смерти другого. Особенно когда речь идет о внезапной смерти, смерти ребенка и т.д. Технология дополненной реальности, помноженная на технологию создания пригодного для общения виртуального двойника человека, может создать качественную иллюзию, что человек до сих пор жив и с ним можно общаться. Так, например, в 2020 году в Южной Корее программисты создали виртуального двойника умершей девочки, и ее мать смогла с ней пообщаться с помощью очков виртуальной реальности и тактильных перчаток. Об этом был снят небольшой документальный фильм, размещенный на известном видеохостинге. Кадры общения матери с умершей дочерью вызывают сильный эмоциональный эффект и рождают вопрос – насколько далеко мы готовы зайти в цифровизации смерти и посмертного существования? Хотим ли мы, потеряв близкого человека, иметь техническую возможность, надев очки дополненной реальности, видеть, как он или она, как раньше, ходит по квартире, слышать голос умершего, общаться с этим человеком?

После первого успеха южнокорейские программисты продолжили создавать цифровых двойников умерших людей... а также снимать и выкладывать в интернет уже второй сезон документального сериала.

